

А.Б. СОКОЛОВ

ГОББС И КЛАРЕНДОН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В статье рассмотрены аспекты взаимоотношений и взглядов двух выдающихся английских интеллектуалов XVII века Томаса Гоббса и Эдварда Хайда (первого графа Кларендона). Политическое учение, разработанное в сочинениях Гоббса, самым знаменитым из которых является «Левиафан», провозглашало законность всякой власти, в том числе основанной на завоевании, и полное право суверена на жизнь и собственность подданного. Одним из первых критиков был Кларендон, который в «Кратком обзоре и исследовании опасных и вредных для церкви и государства ошибок в книге мистера Гоббса» указал на искусственный и механистический характер идеологических построений своего оппонента. В статье внимание обращено на общие черты и различия в биографиях двух мыслителей, предопределившие их интеллектуальное противостояние, на глубокие отличия в понимании природы человека и взаимоотношений между людьми. Опираясь на подходы кембриджской школы, автор акцентирует значение контекста в конструировании и восприятии политической риторики, что подтверждается примером Гоббса, учение которого воспринималось как защита Карла I в 1640-х., как обоснование законности республики индипендентов и протектората в 1650-х, как выражение лояльности реставрированной монархии Стюартов в 1660-х гг. Автор заключает, что критическая оценка Кларендоном учения Гоббса нашла продолжение в просветительской идеологии, обосновывавшей концепцию народного суверенитета.

Ключевые слова: Гоббс, Кларендон, общественный договор, страх, власть, государство, индипенденты

Правители-автократы всех времен и народов, считающие своих подданных «овцами» и «крысами», могли бы установить (вскладчину) памятник английскому философу Томасу Гоббсу за его вклад в теоретическое обоснование их прав на послушание. В январе 1649 года в Лондоне по приговору созданного охвостьем Долгого парламента Верховного трибунала путем отрубания головы был казнен английский король Карл I. Известие об этом царевубийстве шокировало европейские дворы, даже в далекой Московии было объявлено о лишении английских купцов торговых привилегий за то, что «англичане всею землёю сделали злое дело, Карлуса короля убили до смерти». Для эмигрантов-роялистов, покинувших Англию после поражения в гражданских войнах, вопрос о преемственности власти не стоял: «Король умер – да здравствует король». Для них законным монархом стал Карл II. Иное дело – те, кто потерпел поражение и остался в Англии. Как бы они ни симпатизировали в душе Стюартам, им приходилось признавать сложившуюся политическую реальность – власть победителей, индипендентов, Государственного совета, созданного по воле этой группировки. Для тех, кто в Париже, дилеммы нет, «а что с теми, кто застрял в Уилтшире? Там над тобой завис вопрос не о правомерности, а о самосохранении. Все остальное самообман и чушь собачья. Ясные и неизбежные тревоги заполняли го-

лову любого разумного человека. Что случится со мной и моими близкими? Кому следует подчиняться? От кого зависит моя элементарная безопасность? Кто остановит разногласия мнений и религий, чтобы они не стали причинами бесконечной убийственной войны (а Гоббс считал, что никакими судебными решениями их не преодолеть). Кто остановит солдат, сжигающих жилища, крадущих скот и убивающих беззащитных? Кто принудит к договору, мерилу справедливости? Кто позволит спокойно спать в своих постелях? И как принять этого защитника: убеждением или разумом?»¹.

Однако роялисты не были единственной партией, потерпевшей поражение в гражданской войне. Индепенденты одержали победу над пресвитерианами, которые, собственно, и были отцами революции, вступившими в открытый конфликт с короной и составлявшими твердое большинство в Долгом парламенте. Армия взяла верх, и Прайдова чистка в декабре 1648 года совершенно устранила их с политической авансцены. Пресвитерианам тоже предстояло принять новую власть, и они, как и роялисты, отчаянно нуждались в доводах, которые оправдают их смирение. Пожалуй, только радикалы, левеллеры, не были готовы внять разуму, а были готовы стоять против Государственного совета до конца. Один из блестящих ораторов и памфлетистов Джон Лильберн назвал власть индепендентов «новыми цепями» Англии.

Признать законный характер Государственного совета было не просто: в сознании прочно укрепилась идея божественного происхождения власти монарха; негативизм по отношению к нормандскому завоеванию как историческому прецеденту подавления прав свободнорожденных англичан вел к отрицанию того, что завоевание может служить законным источником власти; сильным было недоверие к религиозным принципам индепендентов. Поиск аргументов и теоретических доказательств, способных убедить общество в правомерности «нового устройства», начался сразу после установления диктатуры индепендентов. Блестящий анализ этих попыток, не особенно удачных и более убедительных, предложил известный историк К. Скиннер². Принципы «нового устройства» были изложены в Декларации Государственного совета, которая основывалась на договорной теории, провозглашенной в «Главах предложений» (1647), подготовленных для короля главным теоретиком индепендентов, зятем Кромвеля Генри Айртоном. Они сразу нашли отражение в пропаганде новой власти, и самым видным пропагандистом этого толка стал Джон Мильтон. Казнь Карла I оправдывалась как способ устранения тирана и восстановления права народа ограничивать правительства. Более того, народ имеет право избрать или сместить короля, хотя бы он не был тираном, просто по праву свободнорожденных людей иметь такое правление, какое они хотят³. Эту идею Мильтон про-

¹ Schama 2001: 173.

² Skinner 1972.

³ Павлова 1997: 258.

возглашал в «Обязанностях королей и магистратов», в «Иконоборце» и «Защите английского народа». Такого рода утверждение не могло убедить ни роялистов, политические обязательства которых вытекали из тезиса о божественном праве монарха, ни пресвитериан, сохранявших приверженность Ковенанту и клявшихся защитить безопасность короля.

В этой ситуации группа политических писателей озаботилась заполнением вакуума. Скиннер предложил называть их «теоретиками *de facto*», поскольку они принимали «новое устройство» как данность, переместив акцент с обвинений в адрес Карла I на то, что послушание власти является обязанностью каждого христианина. Этот постулат вытекал из учения апостола Павла и был закреплен авторитетом Жана Кальвина, который в «Духовных упражнениях» проводил мысль, что частным лицам не следует вмешиваться в дела государственного управления. Одним из тех, кто стал развивать эту линию защиты новой власти, приемлемую для пуритан, был пресвитерианский священник Джон Дьюри. В марте 1649 г. он опубликовал сочинение “A Case of Conscience Resolved”, в котором вслед за Кальвином утверждал, что в число христианских добродетелей не входит судить о «великих мира сего». Однако иных аргументов он не находил. К религиозному обоснованию добавилось светское, которое могло привлечь тех, кто симпатизировал монархии, так как оправдывало их неучастие в политической борьбе времен междуцарствия. Скиннер относил к группе тех, кто считал, что пришло время примириться любой ценой, поэтов-роялистов, таких как Эдмунд Уоллер или юрист Джон Вохэм, воспевавших прелести деревенской жизни. Оба были давними знакомцами Кларендона, но отношения с ними были непростыми, особенно в период его канцлерства. Уоллер восхвалял Кромвеля, а потом Карла II. Кларендон писал, что Уоллер начал писать стихи в возрасте, когда другие уже оставляют это занятие. Скиннер напоминал, что в 1653 г. была впервые издана книга писателя Исаака Уолтона «Всё для рыбака» (Compleate Angler), сопоставимая по количеству изданий только с Шекспиром. Эта литература создавала определенную атмосферу, но не давала весомых политических аргументов в пользу индипендентов. Политические дебаты начались вскоре после установления власти индипендентов. В апреле 1649 г. вышел памфлет Френсиса Роуза, богослова и пресвитерианского политика, заседавшего в Долгом парламенте и присоединившегося к партии Кромвеля, «Законность повиновения нынешнему правительству». Он не отрицал, что новая власть незаконна, но доказывал, что подчинение ей закону не противоречит. Он не только ссылаясь на учение Святого Павла, но обновлял аргументацию. В истории Англии он находил много случаев, когда нация полностью подчинялась тем, кто пришел к власти при помощи силы, поскольку способность управлять сама по себе является достаточным знаком воли Бога и Провидения. Однако не для всех этот аргумент был убедительным. Критики считали, что Роуз смешивает силу и власть, а это ведет к тому, что сопротивление даже самому тира-

ническому правлению никак нельзя оправдать. Тем более, позиция Роуза не убеждала роялистов. Скиннер приводил ответ одного роялиста солдату, сказавшему, что победы парламента – знак божественного расположения к нему: «Это не так, друг. Хорошо известно, что Господь часто позволяет дурным людям достигать успеха, но это ведет к их гибели. Если бы ты был историком, то знал, что Господь заставил христиан страдать от турок сотни лет за их грехи»⁴.

В условиях, когда движение левеллеров представляло определенную угрозу Государственному совету, и он потребовал присяги «новому устройству», потребность идеологического обоснования режима росла. По мнению Скиннера, первым теоретиком, в полной мере осознавшим недостаточность прежних аргументов, был Энтони Эшам, опубликовавший ряд памфлетов в 1648–1649 гг. Кр. Хилл приводил высказывание из его работы «О хаосе и революциях в правлении» как пример субъективности в интерпретации «общего смысла Писания». Речь идет о евреях в Ветхом завете: «Когда им приходило в голову сменить правительство, ввязаться в гражданскую войну, сменить царскую семью, реформировать религию и расчленить свое царство... они слышали голос с небес, чтобы подкрепить их действия и направить ход событий»⁵. Эшам придал дискуссии светский характер (не по форме, а по сути) и перевел ее из сферы рассуждений о провидении в плоскость общественных нужд: «Тот, кто хочет сохранить естественную свободу вне зависимости от государства, потеряет ее и все остальное, но тот, кто отдаст свободу, может сохранить для себя удовольствие от многих вещей»⁶. Основная мысль автора в том, что обязанность подчиняться существующей власти вытекает из самой простой логики: только она может защитить, т.е. надо исходить из соображений общего блага. Отвечая на критику, он пошел дальше Роуза, отказавшись признать, что новое правление можно назвать незаконным. С позиции беспристрастности приходится признать, что в «запутанном положении дел» суждения о законности «невозможны с моральной точки зрения». Тезис Эшама был привлекателен, но ему не хватало доказательств, он оставался догадкой. Идею Эшама подхватили другие публицисты, которые, однако, продолжали оперировать категорией «провидение». В их числе парламентский журналист М. Недхэм, перешедший на сторону республики и ставший ее главным пропагандистом. Он не только признал «новое устройство», но «выражал публично свою позицию, которая должна была примирить многие тысячи роялистов в Англии с властью охвостья и его правительства *de facto*. Недхэм начал с того же предположения, что и Гоббс: главная причина учреждения любого правительства и согласия подчиняться ему состоит в том, что оно предлагает подданным защиту, в противном случае они станут добычей анархии. Его аргумент, усиленный Гоббсом,

⁴ Skinner 1972: 85.

⁵ Хилл 1998: 257.

⁶ Цит. по: Skinner 1972: 88.

заклучался в смещении вопроса с «Правильно ли это?» на «Работает ли это?». От этого простого сдвига перспективы, хорошо это или плохо, родилась современная политическая наука»⁷. Сочинения памфлетистов, сторонников теории власти *de facto*, выходили раньше или примерно тогда же, что и сочинения Гоббса. Только «Гражданин» был опубликован за несколько лет до этого, но известно, что никто из упомянутых авторов до публикации их памфлетов не был знаком с данным произведением. Поэтому говорить о влиянии Гоббса на них не приходится, тем более показательнее, что они сразу оценили силу его аргументации.

Что гарантировало Гоббсу его место в истории общественной мысли? Скиннер указывал на две ошибки, которые допускают, когда пишут о нем. Во-первых, ошибочно предполагать, что Гоббс уникален в своих политических утверждениях, в них не было ничего оригинального. Во-вторых, мы ошибаемся, приписывая Гоббсу особый статус как политическому писателю, «его оригинальность лежит в плоскости эпистемологии, не в политических идеях как таковых, а в их обосновании с опорой на всестороннее описание политической природы человека, и в полном отказе от терминологии провиденциализма»⁸. Скиннер писал: «Из теоретиков, выступивших в дискуссии о правах власти *de facto*, полностью исключил все неудобства, происходившие из концепции божественного провидения, и основывался на учении о политической природе человека, фактически только один. Этим единственным, по большому счету, гением был Томас Гоббс»⁹. Подчеркивая оригинальность учения Гоббса, Перес Загорин, однако, отмечал: «Очевидно, что от первой презентации своей политической философии и задолго до того, как он оказал влияние на многочисленных писателей в конце 1640-х гг. (курсив мой – А.С.), в вопросе подчинения революционному режиму и спорах о новом устройстве он находился в интеллектуальной изоляции или в стороне»¹⁰.

Почему выдающийся представитель кембриджской школы Квентин Скиннер уделил Гоббсу особое внимание и в трудах по истории философской и политической мысли, и в книге о нем? На первый взгляд, ответ на поверхности, однако он, по меньшей мере, не полон. Вместе с другим представителем этой школы Дж. Пококом Скиннер рассматривал политическую риторику как самостоятельный элемент. С одной стороны, язык пластичен, значит, каждый актер заново выбирает и интерпретирует термины. С другой стороны, язык устойчив, поэтому не может находиться вне риторической и социальной практики. Задача историка направлена не на идентификацию «вечных истин» в политических сочинениях, а на поиск уникальности авторского языка через понимание контекста. По выражению Покока, «король всего – контекст»¹¹. Для по-

⁷ Schama 2001: 194.

⁸ Skinner 1972: 97-98.

⁹ Skinner 1972: 94.

¹⁰ Zagorin 1985: 605.

¹¹ Атнашев, Велижев 2015: 23-24.

нимания высказывания необходимо поместить его в соответствующий языковой и идейный контекст, ухватить его явный и скрытый смысл. Явный смысл вкладывается разумом и отношением автора, скрытый смысл происходит из устоявшихся условий, которые определяют, как автор создавал текст. Взгляды представителей кембриджской школы интеллектуальной истории близки «истории понятий» Р. Козеллека, исследовавшего трансформацию значений терминов с течением времени.

Какое отношение это имеет к Гоббсу? Самое прямое. Вспомним труды, благодаря которым его называют отцом политической науки. Хорошо известно, что Гоббс занялся политической философией довольно поздно, его первой большой работой такого рода были «Элементы закона, естественного и политического», она была завершена весной 1640 г. и циркулировала как рукопись в течение нескольких недель в разных версиях. Известно, что среди интеллектуалов, читавших этот труд и высоко его оценивших, был патрон и друг Кларендона лорд Фолкленд, хозяин поместья Грейт Тью, где собрался кружок блестящих интеллектуалов. Надо полагать, что причиной высокой оценки был потенциал этого сочинения для отстаивания королевских прерогатив. Однако, как заметил американский биограф Гоббса, в этом сочинении уже присутствовали почти все доктрины, которые обнаруживаются в «Левиафане»¹². В 1650 г., в разгар полемики о «новом устройстве», оно вышло в Англии на английском языке в виде двух отдельных произведений: «Человеческая природа» и «О политическом теле». Третья часть «Элементов», называвшаяся «О гражданине», была опубликована маленьким тиражом в 1642 г. в Париже, в 1647 г. большим тиражом в Амстердаме, а в марте 1651 г. в Англии под названием «Философские рудименты о правлении и обществе». Через несколько месяцев появился шедевр «Левиафан», над которым Гоббс работал в течение двух лет. П. Загорин писал, что утверждения о значительном сдвиге во взглядах Гоббса после «Элементов» неосновательны: «Фундаментальная концепция, проходящая через всю политическую философию Гоббса – это концепция естественного права, права человека на жизнь, дающая людям свободу делать все, что они посчитают необходимым для самосохранения. Разум как закон природы неизбежно демонстрирует им, что, только провозглашая тотальную свободу государства, они достигнут цели самосохранения. Для этого они договариваются между собой о создании гражданского общества и суверенной власти, которой на основании естественных законов обязаны подчиняться. Несмотря на подчинение суверену, естественное право человека сохраняется, потому что единственное оправдание гражданского общества в том, что оно служит для безопасности и обеспечивает удобства цивилизованной жизни»¹³.

Действительно, в логике своих рассуждений Гоббс в первой части «Левиафана» «О человеке» отталкивается от тезиса о равенстве людей

¹² Martinich 1999: 123.

¹³ Zagorin 1985: 603.

от природы, из чего проистекает взаимное недоверие, приводящее к тому, что они становятся врагами, стараются погубить и покорить друг друга, и это ведет к войнам: «Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в состоянии войны всех против всех». Здесь присутствует отсылка к Английской революции: «Во всяком случае, какова была жизнь людей при отсутствии общей власти, внушающей страх, можно видеть из того образа жизни, до которого люди, жившие раньше под властью мирного правительства, обыкновенно опускаются во время гражданской войны»¹⁴. Гоббс – настоящий пессимист в оценке природы человека. С.А. Котляревский писал об этом: «Если человек человеку волк, то это просто факт природы, который надо принять к сведению, но который бесполезно оплакивать. Нет здесь и мистического пессимизма, для утверждения которого Местр создаст философию реакции. Дело гораздо проще и объясняется общеизвестными примерами: люди в пустынных местах носят оружие, держат свои сундуки запертыми, а отдельные государства даже во время мира постоянно готовы к войне. Нечего обижаться и на охоту обижать других, которая по Гоббсу есть одна из глубоких основ человеческой природы»¹⁵.

Помимо интерпретации в интересах «нового устройства» теории естественных прав и договорной теории (ее Гоббс трактовал как ковенант), важен тезис (в разделе «О государстве») об отсутствии принципиальных различий между государством, основанным на приобретении (силой), и государством, основанном на установлении (путем рождения). В обоих случаях побудительным мотивом является страх. В первом – власть приобретена победителем, «когда побежденный во избежание грозящего смертельного удара ясно выраженными словами или каким-нибудь другим проявлением своей воли дает согласие на то, чтобы в течение всего времени, пока ему будут сохранены жизнь и физическая свобода, победитель использовал эту жизнь и свободу по своему усмотрению»¹⁶. Власть суверена абсолютна, и она распространяется не только на самого подданного и его собственность, но и на членов его семьи. Наконец, права суверена распространяются и на вопросы веры. Здесь есть одно из немногих отличий между «Левифаном» и ранними работами, в этом случае «Философскими основаниями учения о гражданине». Котляревский писал: «Этот абсолютизм охватывает и область, которая с таким жаром отстаивалась среди бурь английской революции, как область религиозной свободы. Для Гоббса религиозной свободы не существует совершенно. Истинная религия есть та, которую устанавливает суверен. В *De Cive* гражданину, которому власть предписывает нарушить закон христианской веры, еще разрешается отказ от повиновения, принятие мученического венца. В Левифане за ним не остается и этого права: внутреннее его убеждение недостижимо для правителя, но

¹⁴ Гоббс 1991: 97.

¹⁵ Гоббс 1914: VII-XIII.

¹⁶ Гоббс 1991: 157.

внешнее исповедование должно быть согласовано с велениями законной власти, и религиозная ответственность за такое вынужденное внешнее исповедование не падает на гражданина. Это самое крайнее развитие того принципа, на котором был заключен первоначальный мир между немецкими протестантами и католиками: *cuius regio, cuius religio*¹⁷.

Главная категория, которой оперирует Гоббс – страх. Страх заставляет людей искать в правителе спасение, страх побуждает их подчиняться суверену. Есть соблазн написать биографию Гоббса в жанре психоистории. Я не встречал чисто психоисторической работы о нем, но элементы такого подхода имеются в ряде трудов. Об обстоятельствах своего рождения Гоббс повествовал сам. Он родился 5 апреля 1588 г., перед Пасхой. Уже с декабря 1587 г. ходили слухи об испанском флоте, который готовится к отплытию, чтобы погубить английских протестантов. В богословской литературе отразились ожидания в 1588 г. конца света. Еще Филипп Меланхтон предупреждал в 1518 г. о грядущем через 70 лет новом вавилонском пленении и приходе Антихриста. Позднее Гоббс говорил: мать разродилась близнецами: им самим и чувством страха. Некоторые авторы считали, что генетический страх подспудно объяснял его политическую беспринципность, готовность служить любому режиму. А. Мартиних писал: «Травматическое рождение преследовало Гоббса всю жизнь. Он считал, что обстоятельства рождения «объясняют его ненависть к врагам страны»¹⁸. Отец Гоббса, священник, принадлежавший к низшему слою англиканского духовенства, из числа тех, кого называли *dumb dogs* (тупые псы), кто не читал собственных проповедей, был человеком невоздержанным, из-за чего, в конце концов, был вынужден покинуть родной городок Малмсбери в Уилтшире.

Гоббс стал политическим писателем поздно, когда он уже приобрел известность в области естественной философии и математики (что тогда было прочно связано). Как были приняты политические взгляды Гоббса? В 1640 г., перед выборами в парламент, который назовут Коротким, его взгляды были восприняты как беззастенчивая апология абсолютистского режима, «тирании», как считали многие, Карла I. Единственной попыткой Гоббса прямо войти в политику было участие в выборах в палату общин в 1640 г., но влияния третьего графа Девонширского не хватило, и она провалилась. Это не значит, что в жизни Гоббса элемент политики отсутствовал: близкий круг общения делал его жизнь политической. Есть мнение, что провал на выборах объясняется именно знакомством публики с «Элементами», фактически защищавшими право суверена вводить новые налоги, что контрастировало с общественными настроениями. После ареста Страффорда Долгим парламентом в ноябре 1640 г. Гоббс испытал страх, уверившись (справедливо или нет, трудно сказать), что сам станет ближайшей жертвой, и, как утверждают, первым из роялистов бежал во Францию. Загорин писал: «Авторство «Эле-

¹⁷ Гоббс 1914: IX-X.

¹⁸ Martinich 1999: 2.

ментов» объясняет неожиданное бегство Гоббса из Англии в ноябре 1640 г., через несколько дней после созыва Долгого парламента. Он боялся, что если останется, то станет мишенью ярости парламентариев из-за доктрин, которые провозгласил в своей работе. В написанном через шесть месяцев письме из Франции он утверждал: «Причина, по которой я выехал, состоит в том, что я увидел: слова, произносимые в поддержку королевских прерогатив, становились предметом разбирательств в парламенте»¹⁹. Некоторые роялисты считали его «трусом», предавшим короля, ибо он мог защищать монархию, если не на поле брани (оправданием мог быть возраст), то политически и как идеолог. В этой роли за Карла выступили оставшийся при нем знаменитый медик Харвей и тот же Эдвард Хайд, непригодный к военной службе. В эмиграции Гоббс продолжил ученые занятия, учил математике принца Уэльского, который, став королем Карлом II, не забыл этого.

Самым скандальным эпизодом жизни Гоббса было его возвращение в республиканскую Англию и публикация «Левиафана». Известно, что он сам участвовал в разработке дизайна обложки первого издания «Левиафана», на которой изображен выходящий из моря великан с чертами лица Кромвеля. Почему Гоббс вернулся в Англию, а не уехал в толерантную Голландию (даже если допустить, что ему было рискованно оставаться в Париже, где многих, а особенно католическое духовенство, раздражало его отношение к религии), остается загадкой. Четвертая часть «Левиафана», над которым он работал перед возвращением в Англию, «О царстве тьмы», содержала резкие высказывания о ложном толковании Писания, о лживости утверждений, будто нынешняя церковь – это царство Божие, а папа является верховным наместником Христа. Достаточно сказать, что крещение, по его мнению, заменено колдовством, колдовства не лишены такие обряды, как венчание, соборование, посещение больных, освящение церквей и кладбищ. Разве можно иначе, чем ересью, назвать утверждение: «Когда человек умирает, остается лишь его труп, то разве не может Бог, сотворивший своих существ из безжизненного праха и глины, так же легко воскресить труп к новой жизни и продлить его жизнь навеки или другим своим словом заставить его умереть снова?»²⁰. Здесь мы уходим от вопроса, правомерно ли считать Гоббса атеистом, в чем его обвиняли некоторые современники. Однако предположение, что такого рода строки не могли быть опубликованы тогда в католической Франции, представляется обоснованным. Возможной причиной нежелания отправиться в Голландию могло быть то, что и там казалось небезопасно: в 1651 г. в гостинице неподалеку от Гааги был убит роялистами посланник Государственного совета, царевубица, подписавший приговор казненному королю, кембриджский богослов Исаак Дорислаус. Нельзя сбросить со счетов и тоску по родине. Возможно, Гоббс думал о возвращении в течение нескольких лет. Во вся-

¹⁹ Zagorin 1985: 599.

²⁰ Гоббс 1991: 470-471.

ком случае, он запретил амстердамским публикаторам «О гражданине» указывать его тьюторство над принцем Уэльским. Но выехать он решил только тогда, когда в Англии установился порядок. Биограф Гоббса писал: «Как в конце 1640 года он бежал из Англии, чувствуя, что парламентские псы наступают ему на пятки, он ощущал такую же собачью погоню в конце 1652 года. Если верить Кларендону, «он был вынужден тайно бежать из Парижа, предчувствуя, что справедливость достигнет его»²¹. «Левиафан» сделал его пребывание в республиканской и кромвелевской Англии безопасным и достаточно комфортным. Но тот же «Левиафан» поспособствовал благоволению Карла II, защитившего бывшего учителя от нападков и назначившего ему пенсию. Другой биограф пишет: «Теория, изложенная Гоббсом в «Левиафане», о подчинении существующей власти не считалась больше вредной, ибо она служила теперь, после реставрации, королю так же, как раньше Кромвелю»²². Так, в «Бегемоте», сочинении о революции 1640–1660 гг., Гоббс отмечал: взглянув на мир и понаблюдав за поступками людей, «особенно в Англии, можно узреть все виды несправедливости и безумия, которые только может представить нам мир, и как они были произведены их источниками – лицемерием и сомнением». Тогда «народ был развращен, а непокорные считались лучшими патриотами»²³. Удивительно звучат эти слова в устах защитника индependентов. На примере Гоббса трудно не заметить, что одно содержание приобретает различные, даже противоположные смыслы в разных социальных и временных ситуациях. Смыслы конструируются на основе контекста. Это и есть риторическая «самостоятельность», которую отмечала кембриджская школа.

Одним из первых критиков Гоббса был Эдвард Хайд, лорд Кларендон, автор «Истории Великого мятежа». В биографиях двух самых знаменитых английских интеллектуалов XVII века есть некоторые сходства, но больше различий. Они связаны, как сиамские близнецы, два тела складывавшейся политической теории. В то же время это две противоположности. Будучи земляками, они принадлежали к разным социальным слоям. Хайд родился в 1609 г., когда при Якове I в стране утвердилась стабильность, последствия Порохового заговора были преодолены, а престолонаследие обеспечено. Для эсхатологических ожиданий повода не было. Если Гоббс об отце не вспоминал, то у Хайда «лучший отец и лучший друг», «самый мудрый из людей, которых он знал». Хайды были сквайрами, не самыми богатыми, но с хорошими связями, многие представители этого клана зарабатывали юриспруденцией. К среднему классу (если таковой был в XVII веке), к низам которого по рождению принадлежал Гоббс, Кларендон относился с долей презрения, называя *meddling sort*. У обоих были дядья-покровители: дядя Гоббса, занимавший пост в городском совете Малмсбери, обеспечил ему обучение и да-

²¹ Martinich, 1999, p. 215

²² Ческис, с. 98.

²³ Гоббс, 1991, с. 591-592.

же завещал земельные угодья, дядя Хайда, занявший при Карле I, ни много ни мало, пост Верховного судьи королевской скамьи, обеспечил племяннику продвижение по адвокатской стезе.

Оба обучались в Оксфорде, и у обоих остались об этом времени неоднозначные воспоминания. Впоследствии Хайд, занявший при Реставрации должность канцлера университета, вспоминал, что студенты злоупотребляли весельем и вином, и то, что после смерти старшего брата, отец отправил его в адвокатскую школу Мидл Темпл корпорации Инс оф Корт в Лондоне, направило его на верный путь. Гоббс, будучи болезненным ребенком, оказался в Оксфорде в четырнадцать лет, однокашники были старше его примерно на три года, не удивительно, что он чувствовал себя одиноко. В «Бегемоте» он писал, что студенты привержены пьянству, распутству и азартным играм. Вероятно, самым ярким впечатлением Гоббса от пребывания в Оксфордском университете было посещение его королем Яковом I, принимавшим участие в диспутах. Труды и идеи Якова произвели на Гоббса неизгладимое впечатление, стали важным источником для формирования его собственных концепций. В своих произведениях он не игнорировал аргументов Якова, одного из главных в Новое время теоретиков концепции «божественного происхождения» королевской власти. Однако от этой концепции Гоббс отказался. Тот же принцип абсолютной власти он обосновывал посредством договорной теории и концепцией естественных прав человека, повернув их в противоположную сторону от левеллеров.

После университета траектории биографий разошлись: карьеру Хайда определила семейная традиция – в адвокаты и в политику, в парламент, когда Карл I принял решение о его созыве после 11-летнего перерыва; Гоббсу надо было искать иные пути зарабатывать на жизнь, и он стал тьютором в аристократическом семействе Кавендишей, затем графов Девонширских. В течение короткого времени Гоббс был секретарем Френсиса Бэкона, уже после отставки последнего и незадолго до его смерти. По поводу влияния Бэкона на Гоббса есть разные мнения; некоторые авторы полагают, что быть усердным секретарем не значит видеть в патроне кумира. Другие даже допускали, что за Бэкона мог писать Гоббс (как Бэкона некоторые антистаффордianцы считали настоящим автором пьес Шекспира). Вряд ли эта гипотеза имеет основание, но какие-то мысли у них могли пересекаться. Именно от Гоббса мы знаем о знаменитой фразе Бэкона «Знание – сила». Обстоятельства смерти Бэкона, подхватившего бронхит из-за эксперимента с замораживанием цыпленка, тоже известны со слов Гоббса, и в них, похоже, присутствует ироничное отношение к патрону и его экспериментальному методу. Гоббс еще в 1620-х гг. познакомился с Гарвеем, который не любил Бэкона и говорил, что тот философствует, «как лорд-канцлер», и Гоббс, скорее всего, соглашался с этим мнением. Для Бэкона был характерен крайний эмпиризм, для Гоббса рационализм²⁴.

²⁴ Martinich 1999: 65, 218.

Жизнь Кларендона, за исключением самых ранних лет и предсмертных лет в эмиграции, прошла в политике: в парламенте и на службе двум Стюартам. И почти всегда он был на первых ролях. Как секретарь второго Девоншира Гоббс вникал в парламентские дела, а также в деятельность погруженной в раздоры Виргинской компании, пайщиком которой он стал при поддержке своего патрона. Попытка быть избранным в парламент окончилась провалом, и, с практической точки зрения, жизнь Гоббса прошла на политических «задах», что, возможно, порождало комплекс второсортности. Как отмечалось, в теоретическом плане его учение о государстве было напрямую увязано с политикой и трансформацией, которую она претерпевала.

Сопровождая своих подопечных в образовательный тур на континент, Гоббс установил связи со многими знаменитостями ученого мира, в т.ч. с Р. Декартом, П. Гассенди, М. Мерсенном, Г. Галилеем, Э. Торричелли. Некоторые открытия в области естественных наук, например, «торричеллеву пустоту» он использует в своей политической философии. Политическое учение Гоббса несет черты социологии, будучи, по словам Котляревского, «геометрическим». У Кларендона был гуманитарный склад ума. Он понимал, что жизнь сложнее абстрактных схем, и на поведение людей влияют многие факторы. С этической точки зрения между ними пропасть. У Кларендона было немало причин для разочарования в людях, но он не считал, что человеческая природа дурна. Загорин верно отмечал: «Противостояние Кларендона философии Гоббса основано не только на политических расхождениях, но и на абсолютно разной и противоположной интеллектуальной ориентации. Представитель новой механической философии, Гоббс следовал дедуктивному методу, создавая модель республики и пытаясь трансформировать гражданскую философию или политику в науку, основателем которой, собственно, он и считал самого себя. Его постулат об абсолютном суверене как аксиоматичной необходимости государственного устройства был утопическим, так как переступал за границы того, что существовало исторически. Пропасть, разделяющая Кларендона и Гоббса, обозначена и тем, что в «Обзоре» («Краткий обзор и исследование опасных и вредных для церкви и государства ошибок в книге мистера Гоббса, названной Левиафан» – А.С.) Кларендон пренебрежительно обращается к философу как к «художнику» и «архитектору», упрекая его в изобретении «вымышленного правительства» при помощи «правил арифметики и геометрии», с которыми ни один народ никогда не экспериментировал»²⁵.

Кларендон был знаком с Гоббсом, по крайней мере, со времени их встреч в Грейт Тью, поместье лорда Фолкленда, средоточии кружка интеллектуалов. Биограф Кларендона Р. Оллард отмечал, что они первоначально были друзьями, а потом интеллектуальными противниками²⁶. Известна фраза из письма Хайда 1659 года: «Мистер Гоббс мой старший

²⁵ Zagorin 1985: 610-611.

²⁶ Ollard 1988: 5.

друг, но я не могу простить ему зла, которое он нанес королю, церкви, законам и нации. Безусловно, можно многое сказать о взглядах этого человека, который имплицитно обрек религию, мудрость и честность в зависимость от новых законов и написал политическое сочинение, которое, как я осмелюсь сказать, должно быть осуждено на основании законов нашего королевства или любой страны Европы как нечестивое и крамольное»²⁷. К этому мнению о «дружбе» Хайда и Гоббса примкнул и я: «Одно время они были в дружеских отношениях, но появление «Левиафана», фактически оправдывавшего индипендентский режим, сделало Гоббса фигурой *non grata* для роялистов. Принципы, предложенные Гоббсом, казались Кларендону неприемлемыми, к их критике он вновь и вновь возвращался»²⁸. Сейчас я полагаю, что стоит внести коррективы, прислушавшись к аргументам П. Загорина: «То, что Гоббс принадлежал к кружку Тью, подтверждают многие авторы, но это мнение, возможно, является ошибочным»²⁹. Он мог посещать имение Фолкленда, но точно не входил в ядро кружка, его интерес лежал в области естественной философии, тогда как в Грейт Тью обсуждались, в первую очередь, поэзия и гуманистические традиции. Гоббс с большим пиететом отзывался о Джоне Селдене, одном из близких интеллектуальных партнеров Хайда уже в 1630-х, но познакомился с ним только после возвращения в Англию. Хайд и Гоббс могли знать друг друга со времен Грейт Тью, но не более того. Важно, что в «Истории мятежа», в высокой степени автобиографическом сочинении, с множеством развернутых характеристик людей, с которыми его свела судьба, Кларендон ни разу не упомянул Гоббса. Тому могут быть два объяснения: или он не считал нужным написать о нем, потому что знакомство было «шапочным», или стыдился его. Учитывая, что Кларендон нередко давал негативные характеристики своим знакомцам, а масштабы Гоббса были ясны современникам, можно склониться к первому варианту. Однако у Кларендона есть литературные портреты тех, кого он знал поверхностно. Хайд и Гоббс вновь встретились в эмиграции при дворе принца Уэльского. Впоследствии Хайд неоднократно негативно высказывался о «Левиафане», беседовал с разными людьми о взглядах Гоббса, одобрял их опровержение епископом Джоном Бремхолом, хотя считал его недостаточно убедительным. Сам Кларендон взялся за решение этой задачи только в вынужденной второй эмиграции. Тогда у него появилось время для создания обширного трактата под названием «Краткий обзор и исследование опасных и вредных для церкви и государства ошибок в книге мистера Гоббса, названной Левиафан». Книга, изданная посмертно, в 1676 г., на 322-х страницах, состояла из 32-х разделов, каждый из которых посвящен критике одной из нескольких глав «Левиафана». Она в большей степени концентрирована на взглядах Гоббса на политику и религию.

²⁷ Harris 1982: 403.

²⁸ Соколов 2017: 49-50.

²⁹ Zagorin 1985: 596.

Сопоставление «Левиафана» и сочинения Хайда дает возможность судить не только о различиях в позициях этих мыслителей, но и о факторах, определивших их. Загорин выделил три компетенции Кларендона, которыми Гоббс не обладал: он был продолжателем гуманистической традиции, в высшей мере опытным государственным деятелем, несшим тяжелейшую ответственность за дела управления, и набожным христианином. Хотя он не во всем правильно интерпретировал идеи Гоббса, но ясно видел их неортодоксальность. Суммируя, можно сказать: он считал, что Гоббс ошибался, будучи одновременно пессимистом и скептиком в отношении природы человека, и слишком большим оптимистом, в опасной степени оторвавшимся от реальности, во взглядах на суверенитет власти и необходимые условия политического порядка»³⁰.

В плане критики Кларендоном Гоббса выделю несколько тезисов.

Во-первых, речь о понимании договорной теории. Для Гоббса принципиально важно, что государство учреждается не договором, а ковенантом. Договором люди передают права на вещи, например, при купле-продаже, ковенант накладывает на людей обязательства поступать в дальнейшем определенным образом. Хайд, оставаясь на позиции провиденциализма, отвергал эту теорию: «В основании природы мир, и когда Бог природы дал своему созданию, человеку, власть над всеми другими созданиями, он также дал ему естественную власть, чтобы управлять миром в гармонии и порядке. Сколько бы человек ни потерял в своей непорочности, не проявив послушания своему Создателю, и какое бы жестокое наказание не претерпел за это неповиновение, это не значит, что Его власть над человечеством в какой-то степени уменьшилась или ослабла. Мы не можем не видеть в Нем настоящего правителя мира»³¹.

Во-вторых, речь о понимании природы власти. Гоббс, по крайней мере с 1640 г., выступает как последовательный сторонник абсолютного суверенитета, считая, что носитель власти обладает всеми властными полномочиями, включая контроль над внутренней жизнью, право вести войну и заключать мир, издавать законы, судить за предполагаемое преступное поведение и даже приказывать подданному убить родителя. Меч правосудия и меч войны должны быть в одних руках. Признак суверенности власти в том, что она выше закона. Идея ограниченной власти несостоятельна, так как любое ограничение ведет к неспособности выполнить задачи, ради которых власть учреждалась. Такие рассуждения были для Кларендона неприемлемы. Он полагал, что учение Гоббса угрожает свободам англичан, различая истинную свободу, регулируемую законом, и злоупотребление свободой, когда дурные люди развращают слабых и своевольных, поднимая их на восстание против суверена и законного порядка. Закон и послушание вытекают не из договора, а из обычаев предков, и уважение к ним – обязанность и подданных, и власти. Произвол власти и ограничение ею свобод граждан недопустимы.

³⁰ Zagorin 1985: 612.

³¹ Clarendon 1676: 66-67.

В-третьих, вопрос о собственности. Гоббс исходил из того, что в естественном состоянии частная собственность отсутствовала. Если у каждого есть право на все, то никто ничем не владеет. Собственность возникает с возникновением государства и принадлежит суверену. Если ею обладают другие, то это создает угрозу для осуществления им своих полномочий и ведет к возникновению претензий на что угодно, следовательно, к утрате безопасности. На практике Гоббс отказывал публике в праве сопротивляться налогам, введенным королем, например, корабельным деньгам. Такое видение ставило его в особую позицию. Большинство английской политической нации не считало, что власть короля абсолютна, и даже те, кто склонялся к такой точке зрения, исходили из того, что власть делится между короной и парламентом. Для Кларендона право земельной собственности священно. В отличие от большинства теоретиков того времени он полагал, что даже Вильгельм Завоеватель не покусился на чужую собственность, и массовых конфискаций норманны не провели. Разумеется, Кларендон защищал английскую конституцию, частями которой считал как наделенную широкими, но не абсолютными полномочиями наследственную монархию, так и принимающий законы и устанавливающий налоги парламент, а также Тайный совет, судебную систему и епископальную англиканскую церковь.

В-четвертых, отсюда вытекает разное понимание причин гражданской войны. Для Гоббса она – продукт ложной философской системы, для Кларендона – результат влияния «дурных людей», которые раздавили законы и силой вырвали власть из рук монарха. При этом он не отрицал ошибочность ряда действий короля в годы правления без парламента. Интересно, что в «Бегемоте», написанном в конце жизни, Гоббс фактически приблизился к интерпретации Кларендона, обвиняя в провоцировании восстания лживых священников и развращенных лиц.

В-пятых, для Хайда неприемлем философский эгалитаризм Гоббса, еще в «Элементах» утверждавшего, что от природы все люди равны, а те, кто думает, что от природы «у одного кровь лучше, чем у другого», невежественны. Различия между людьми конвенциональны, они целиком зависят от воли правителя. Правитель – полный повелитель не только простого человека, но и аристократа. Для человека, который жил десятилетиями за счет аристократов, это ошеломляющее заявление. Кларендон не мог пройти мимо: Гоббс проявил «исключительную злобу к знати, чей хлеб он всегда ел»³². Иерархические границы значили для Хайда куда больше, чем для Гоббса.

В-шестых, взгляды на религию. Гоббса иногда называли атеистом, что он упорно отрицал. Скорее, его позиция была деистской. В практическом смысле он был сторонником епископальной англиканской церкви, следуя принципу, сформулированному еще Яковом I: «Нет епископа – нет короля». В этом отношении в начале революции он стоял на более

³² Martinich 1999: 144.

консервативных позициях, чем некоторые другие члены англиканской церкви. Тогда Фолкленд допускал отказ от епископата. Хайд раздумывал, можно ли пожертвовать епископатом, чтобы предотвратить гражданскую войну (впрочем, это казалось ему маловероятным). В отдельные моменты (в 1641 и 1651 гг.) Гоббс допускал иные формы церковного устройства, исходя из позиции теологов, утверждавших, что власть епископов не проистекает напрямую из воли Христа, а появилась в более позднюю эпоху. Однако пресвитерианство он считал неприемлемым. В 1660-х гг. он вернулся к прежним взглядам на епископат.

Учение Гоббса трудно назвать зародышем принципов гражданского общества. Вопреки здравому смыслу и сути концепции Гоббса в советской научной литературе его называли представителем «буржуазного свободомыслия», переводя дискурс о свободе в плоскость говорения о критике «церковных установлений»³³. Однако это имело определенную логику. Свобода, с одной стороны, в теории представлялась как неотъемлемое право народов и обоснование их прав на революцию, что видно через концепт политических причин Английской революции (как и любой другой). С другой стороны, в реальности такая свобода оказывалась излишней и недостижимой. Данное противоречие снималось при помощи идеологемы о достигнутой свободе для эксплуатируемого большинства в «пролетарском государстве» и для всех классов в «общенародном». Гоббс был, упрощенно говоря, подтверждением права государства на насилие. Тенденция современной идейно-политической мысли заключается в отрицании права народа на сопротивление тирании и революции, в принципе. Это становится возможным, в том числе, благодаря уходу от марксизма с его апологетикой революций. В такой ситуации Гоббс продолжает служить современному этатизму. Наоборот, Кларендон в советской историографии объявлялся носителем консервативно-ториийской и даже реакционной идеологии. Реальность была сложнее и противоречивее. С моей точки зрения, его идеи послужили зарождению либеральной просветительской мысли, хотя первое издание «Истории Великого мятежа», вышедшее в 1702 г., мыслилось графом Рочестером (сыном Кларендона) как отповедь республиканцам. После Французской революции консерваторов и либералов начали различать по их отношению к реформам и революциям. Гоббс, перешедший в лагерь победившей революции, и Кларендон, последовательный сторонник монархических прерогатив и прав свободнорожденных англичан, напоминают, что любая схема требует испытания контекстом, что “Context is King”.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Атнашев Т., Велижев М. I. Кембриджская школа. “Context Is King”. Джон Покок – историк политических языков // НЛЮ. 2015. № 4. [Atnashev T., Velizhev M. I. Kembridzhskaya shkola. “Context is King”. Dzhon Pokok – istorik politicheskikh yazyikov // NLO, 2015, N 4].
 Гоббс Т. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1989. Т. 2. М.: Мысль, 1991. [Gobbs T. Sochineniya. T. 1. M.: Myisl, 1989; T. 2. M.: Myisl, 1991].

³³ См., напр.: Мееровский 1975: 7.

- Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.: Издание Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1914. [Gobbs T. Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine. M.: Izdanie G.A. Lemana i B.D. Pletneva, 1914].
- Мееровский Б.В. Гоббс. М.: Мысль, 1975. [Meerovskiy B.V. Gobbs. M.: Myaisl, 1975].
- Павлова Т.А. Милтон. М.: РОССПЭН, 1997. [Pavlova T.A. Milton. M.: ROSSPEN, 1997].
- Соколов А.Б. Кларендон и его время. Странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника. СПб.: Алетейя, 2017. [Sokolov A.B. Clarendon i ego vremya. Strannaya istoriya Edwarda Hayda, kanzlera i izgnannika. SPb.: Aleteya, 2017].
- Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. М.: ИВИ РАН, 1998. [Hill K. Angliyskaya bibliya i revoliuziya XVII veka. M.: IVI RAN, 1998].
- Ческис Л.А. Томас Гоббс (Его жизнь и учение в связи с историей общественной жизни в Англии конца XVI и первой половины XVII вв.) М.: Московский рабочий, 1929. [Cheskis L.A. Tomas Gobbs. Ego zhizn i uchenie v svyazi s istoriei obshestvennoy zhizni d Anglii konza XVI i pervoy polovini XVII vv. M.: Moskovskiy rabochiy, 1929].
- Clarendon. A Brief View and Survey of the Dangerous and Pernicious Errors to Church and State in Mr Hobbs' Book Entitled Leviathan. Oxford, 1676.
- Harris R. Clarendon and the English Revolution. L.: Chatto & Windus, 1982.
- Martinich A.P. Hobbes. A Biography. Cambridge: University Press, 1999.
- Ollard R. Clarendon and His Friends. Oxford: University Press, 1988.
- Schama S. A History of Britain. V.II. L.: BBC, 2001.
- Skinner Q. Conquest and Consent: Thomas Hobbes and the Engagement Controversy // The Interregnum: The Quest for Settlement 1646-1660 / Ed. by G.E. Aylmer. L.: Macmillan, 1972.
- Zagorin P. Clarendon and Hobbs // The Journal of Modern History. Vol. 57. N. 4. 1985.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; sokolov_1457@mail.ru

Hobbes and Clarendon: Intellectual Confrontation

In this article the author analyses aspects of relationship and views of two outstanding English intellectuals of the XVII century, Thomas Hobbes and Edward Hyde, 1st Earl of Clarendon. Political theory, developed in the works of Hobbes, of which the “Leviathan” is the most famous, proclaimed the legality of any power including the one that is based on conquest, and the full right of sovereign of life and property of the subject. One of the first critics of him was Clarendon who in “A Brief View and Survey of the Dangerous and Pernicious Errors to Church and State in Mr Hobbs' Book Entitled Leviathan” showed artificial and mechanical character of ideological constructions of his opponent. The attention is paid to the great ethical difference between the writers in the understanding the nature of man and character of relations among people. This article follows the approaches of Cambridge school as one of the branches of new intellectual history, and focuses on the importance of context in the construction and perception of political rhetoric. This is demonstrated by example of Hobbes whose teachings was accepted as defense of Charles I in 1640s, as argumentation of legacy of Independent's Commonwealth and Protectorate in 1650-s, and as expression of loyalty to restored monarchy of Stuarts in 1660s. The author pays attention to the common features and deference in the biographies of the two thinkers that predetermined their intellectual confrontation. The author concludes that the critical assessment the conception of Hobbes by Clarendon received development in the ideology of Enlightenment, in which idea of sovereignty of Nation was justified.

Keywords: Hobbes, Clarendon, Cambridge school, social contract, fear, power, state, independents

Andrei Sokolov, Dr. Sc. (History), Professor, Yaroslavl State Ushinskyi Pedagogical University; sokolov_1457@mail.ru